Текст · 4 мая 2022, 17:04
Наталья Гуменюк,

«Невозможные решения» в битве за Донбасс. Как работают главы украинских регионов, за которые идут бои

В репортажах о войне на первые позиции всегда выходит обсуждение непосредственно боевых действий и тяжелой участи мирного населения. Судьба наиболее заметных политиков также обсуждается широко, а региональному управлению уделяется уже меньше внимания. Главы областных администраций украинского Донбасса вынуждены перестраиваться на новый режим работы, пока подконтрольные им города и села уничтожаются снарядами, и принимать сложные решения в ситуациях, когда правильных ответов не существует.

«Медиазона» с разрешения *the Atlantic* публикует перевод репортажа украинской журналистки Натальи Гуменюк, вышедшего 24 апреля. Гуменюк также принимала участие в записи нашего подкаста «Хуй войне», в котором можно послушать ее рассказы о боевых действиях и услышать голоса некоторых героев этого текста.

Вскоре после начала российского вторжения в Украину, главе Донецкой области Павлу Кириленко и главе Луганской области Сергею Гайдаю позвонили — судя по выговору, россияне. Кириленко и Гайдаю предложили перейти на сторону, уверенную в своей неизбежной победе.

«Это было до того, как появилась фраза "Русский военный корабль, пошел на хуй", — рассказывает Кириленко в подвале Донецкой областной администрации, пока на улице воет сирена воздушной тревоги. — У меня такого красноречивого ответа не получилось, так что я просто заблокировал номер».

Это было два месяца назад. И хотя потом и Кириленко, и Гайдаю неоднократно угрожали, поступившее в первые дни войны «предложение» было настолько абсурдным, что отказаться от него было просто. Впрочем, теперь им буквально каждый день приходится принимать решения куда более серьезные и опасные, чем в первые дни.

В последние недели российские войска перегруппировались: оставили попытки захватить Киев и сосредоточились на захвате Донбасса. Установившееся было в регионе тревожное затишье прервалось еще до начала полномасштабного вторжения. В самом начале года, когда британская и американская разведки заявили о неизбежности российского нападения, вдоль разделяющей враждующие стороны 400-километровой «линии соприкосновения» возобновились активные обстрелы.

Уже в первые дни вторжения россиянам удалось взять под контроль существенную часть Луганской области, а вот в Донецкой продвинуться далеко не удалось. Затянувшаяся на много недель осада города-порта Мариуполя стала ключевым сражением всей войны: пока Владимир Путин объявляет об «освобождении» Мариуполя, украинские власти

сообщают о 22 тысячах погибших в городе, где еще совсем недавно жили полмиллиона человек.

Весь апрель Россия стягивала войска для битвы за Донбасс. Президент Украины Владимир Зеленский уже объявил, что она началась, и если ранее маневры российской армии были чересчур самоуверенными, на этот раз планирование и организация наступления должны быть лучше. Донбасс, который за восемь лет конфликта пострадал гораздо сильнее других регионов Украины, ждут новые потрясения, а лидерам и местным жителям предстоит принимать не просто сложные, а невозможные решения.

Многие западные политики и аналитики сейчас воспринимают Донбасс не столько как неотъемлемую часть Украины, сколько как актив, который можно использовать в переговорах с Путиным, чтобы позволить ему закончить войну, сохранив лицо. В разговорах Гайдай и Кириленко отстаивают официальную позицию: победным для Украины концом войны может быть только отступление российских войск на позиции до начала вторжения. Впрочем, в их словах чувствуется горечь — оба понимают, что и в этом случае часть их родного Донбасса останется под российским контролем.

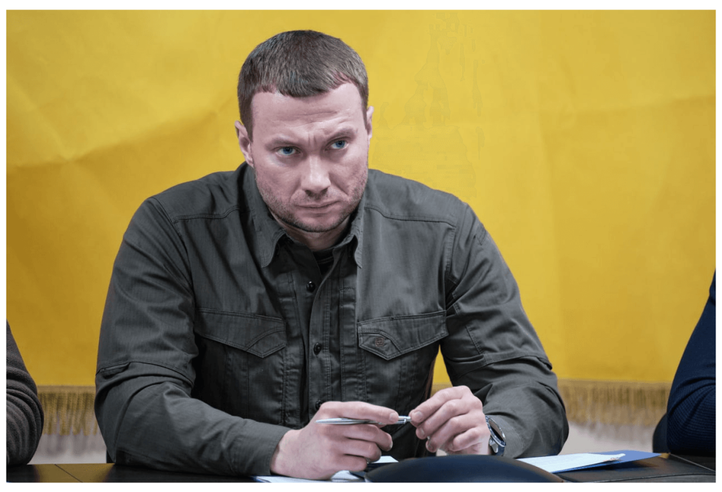

Фото: Павло Кириленко, Донецька ОДА (ОВА) / Telegram

Для Кириленко этот раскол — очень личный. Его родители и старший брат живут в провозгласившей

свою независимость части Донбасса и поддерживают Россию. «У меня нет там семьи, — сказал мне Кириленко. — Нет этих людей. И они это знают. Мне писали оттуда, что переживают. Но я им сказал: "Запомните, вас нет". У меня есть только те, кто здесь со мной. А те, кто там — они будут отвечать по закону».

Российская пропаганда годами изображает украинских чиновников чужаками, которых русскоязычному Донбассу навязали из Киева. Но хотя Кириленко и Гайдая на посты назначал Зеленский (сам, между прочим, русскоязычный), оба они — местные. Гайдай родился в Северодонецке Луганской области и до назначения руководителем обладминистрации был топ-менеджером в нескольких местных компаниях. Кириленко родом из Донецка, который сейчас под контролем ДНР, был прокурором в Донецкой области и в Крыму.

Оба чиновника молоды: Кириленко завтра исполняется 36 лет, Гайдаю сейчас 46 (при том, что Зеленскому — 44). Об этом обычно не говорят, но именно молодое поколение украинских управленцев оказалось на передовой борьбы с вторжением.

Гайдай, в военной форме и с автоматом, рассказывает, как пытался организовать эвакуацию из занятых российскими войсками районов Луганской области, но оказалось, что большая часть автобусов осталась там же, в захваченных городах. «Да, мы координируемся с армией, — говорит он. — Но мы не можем всего предсказать и не знаем, какие территории будут оккупированы в первую очередь».

Любая ошибка, подчеркивает он, может привести к ужасным последствиям.

Примерно о том же говорит Кириленко, когда рассказывает, как собрал 50 автобусов для эвакуации жителей Мариуполя, но российские удары с воздуха разом уничтожили 20 из них во время переговоров об открытии гуманитарного коридора. К счастью, в тот момент автобусы стояли пустые.

Внешне главы администраций сильно отличаются: Гайдай — коренастый и с почти полностью поседевшей бородой, Кириленко — худощавый и гладко выбритый. Но вставшие перед ними проблемы по сути одинаковые: как правильно распоряжаться крайне ограниченными ресурсами, какие районы защищать, кого спасать.

Украинские чиновники — не говоря уже о западных политиках и правозащитных организациях — подчеркивают, что работать приходится на фоне вопиющих нарушений правил ведения войны с российской стороны: обстрелы больниц, гражданских колонн и складов с продовольствием.

Гайдай рассказывает, что в начале войны украинские войска приняли решение отступить из части районов Луганской области, чтобы не попасть в окружение, и укрепились на стратегически важных позициях, которые удобно оборонять. Поначалу казалось, что таким образом мирных жителей уберегут от напрасных страданий — по крайней мере, те деревни, из которых украинские военные ушли, Россия не обстреливала. Но потом стало известно о зверствах в Буче и других районах под Киевом во время

российской оккупации: мирных жителей похищали и пытали, убивали и насиловали.

Опасность угрожает жителям густонаселенных районов вне зависимости от того, отступает армия или обороняется. Яркий тому пример — Мариуполь, который не сдался под российским натиском и был практически стерт с лица земли. Кириленко опасается, что Россия может превратить ту часть Донецкой области, которую контролирует Украина, «в один большой Мариуполь» — «отрезать все возможные пути поставки продовольствия и оружия, окружить регион и просто не выпускать людей».

Обычные жители Донецкой и Луганской областей точно так же вынуждены каждый день принимать по несколько сложных решений, например, уезжать ли из своего дома куда-то, где будет безопаснее. Милена живет с четырехлетней дочерью Лилей в Северодонецке. Когда мы встретились, они стояли в дверях своего дома, замерев от страха. Где-то неподалеку стоял автобус для эвакуации, перед ним уже выстраивалась очередь из желающих уехать. Милена и Лиля боялись, что места закончатся, но боялись и выходить на улицу. Вскоре, будто по сценарию, раздался грохот от разрывающихся снарядов. «Бегом, бегом!» — закричала Лиля и потянула меня к дверям, дрожа от страха.

Оцепенение, вызванное страхом за свою жизнь, встречается здесь очень часто. Гайдай рассказывает о пожилых людях, которые отказывались эвакуироваться в самый последний момент, когда видели разрушенные дома соседей: «Они парализованы, боятся уходить из бомбоубежищ, где

они провели много недель, даже если пункт помощи в квартале от них». Полицейские ходят по домам и уговаривают людей уезжать, но зачастую это удается только родственникам, которые буквально умоляют их. Есть несколько историй о волонтерах, которые погибли под обстрелами, пытаясь уговорить людей эвакуироваться.

В подконтрольной Украине части Донбасса жили 2,5 миллиона человек. Гайдай и Кириленко неоднократно призывали жителей — в интервью, в фейсбуке, лично — уехать, но многие местные либо не понимают, как это сделать, либо боятся покидать свои дома и отправляться в неизвестность. Эвакуация может быть крайне опасна, как показал удар по вокзалу Краматорска: погибли 57 человек, больше 100 получили ранения. За несколько дней до этого Кириленко и Гайдай просили меня не раскрывать места, где планировалось собирать людей для эвакуации — именно из опасений, что российская армия нанесет по ним удары.

Впрочем, далеко не все остаются из страха. Кем-то движет чувство долга. Например, Роман Водяник руководит самой большой — и единственной работающей на данный момент — больницей Северодонецка, Он считает, что медиков можно эвакуировать только в последнюю очередь. Всегда будут люди, которые не захотят уезжать, объясняет он украинским военным, которые просят его выехать в безопасное место — врачи должны оставаться, чтобы им помогать.

Фото: Сергій Гайдай, Луганська ОДА (ОВА) / Telegram

Когда пишешь о войне в твоей собственной стране, по сути работы ничего не меняется. Как журналистка я всегда критиковала представителей власти и задавала им вопросы, ответы на которые общество должно знать. Но надо понимать, что важность этой войны беспрецедентна, это вопрос экзистенциального характера. Когда я ездила по Донбассу, меня не оставляло тревожное чувство, что это может быть моя последняя поездка сюда, что последним может стать и любое интервью. Выживет ли город, в котором я сейчас нахожусь? А человек, с которым сижу рядом?

В эту поездку, когда я разговаривала с людьми — в том числе с украинскими чиновниками — границы стирались, так или иначе мы пытались поддержать друг друга. Время от времени, когда становилось известно об ужасных событиях в Буче или Мариуполе, я спрашивала у своих собеседников, как они находят в себе силы, чтобы держаться. У Кириленко — деловой подход, решаем задачи по мере поступления: «Война — не место для героизма. Мое правило — делай, что должен. Нужно сосредоточиться на том, что ты можешь сделать». Несмотря на службу в армии в прошлом, в первую очередь он думает не о военных планах, а о людях Донбасса: «Когда принимаешь решения, имеют значение только те люди, которые живы. Нужно защищать область, но не до последнего

же человека. В конце концов, я губернатор людей, а не могил».

Военные стратеги рассуждают, как ландшафт местности и поставки вооружения повлияют на ход боевых действий. Донбасс — это равнина, у обеих сторон есть место для маневра. Российские танки смогут свободно передвигаться на большие расстояния — но украинские войска уже заняли укрепленные позиции и получили от стран Запада противотанковые комплексы. Одновременно во время войны приходится принимать решения, которые могут обернуться большими потерями. Спасти жизни украинцев, только отступая, невозможно.

Я бывала в Донбассе последние восемь лет — не только ради материалов о войне, но и на фестивали, концерты, конференции, обучающие программы для местных журналистов. Я перестала задумываться о том, какой это поразительный регион и как многое было сделано за эти годы.

Гайдай говорит что, совсем недавно в Северодонецке восстановили бассейн — тот самый, в котором еще мама учила его плавать. Сейчас бассейн обстреляли российские войска. «Чем виноват бассейн? — удивляется он, не сдерживая слез. — Больно то, что я понимаю: эти уроды расстреливают все. Не важно, есть там военные, нет там военных. Больницы, садики».

После аннексии Крыма в 2014 году и создания сепаратистских республик стратегия официального Киева сводилась к обороне территорий, которые

Украина продолжала контролировать, и усилиям по улучшению жизни в регионе. Для Зеленского это стало основным приоритетом, он верил, что именно так можно положить конец конфликту. Строились дороги, школы, больницы. И все равно казалось, что Украина может делать больше.

Только когда я увидела разрушенный парк и кафе в Северодонецке, я по-настоящему оценила, сколько всего было сделано. Западные журналисты иногда спрашивают во время интервью у украинских чиновников: почему вы обороняете Мариуполь, а не сдаетесь, ведь так можно избежать смертей и разрушений, остановить войну?

Киев настаивает, что отдавать Донбасс без боя не собирается, что битва за Мариуполь будет продолжаться, и что защитники города не сдадутся. Но есть и более важная причина. Российскую бригаду, оккупировавшую Бучу, наградили «за героизм и отвагу». Если за то, что военные там натворили, их наградили, то с чего бы им вести себя иначе в любом другом месте, особенно в Донбассе, где люди много лет открыто противостояли России и доказывали свою верность украинскому государству? Более того, битва за Донбасс может стать еще более жестокой: если раньше целью российских войск была оккупация территорий, то теперь, когда они поняли, что не могут контролировать местное население, все чаще используется дальнобойная артиллерия, и города полностью уничтожаются.

Почему мы должны отдавать то, что построили за все эти годы — я говорю не просто о домах и об инфраструктуре, но об идентичности и

самоощущении людей как украинцев, — если на нас с такой жестокостью напало соседнее государство? Складывается впечатление, что Москва пытается наказать целую страну просто за то, что мы есть, и за то, что сделали выбор быть именно такими. Просить нас сдаться, смириться с порабощением под страхом смерти — это тоже *невозможное решение.*

Автор: Наталья Гуменюк.

Оригинал: *"Impossible Choices in the Battle for the Donbas"; the Atlantic, April 24, 2022.*

Перевод: Д. Г.